

Анисимова Анна Тихоновна

АГОНАЛЬНАЯ РЕЧЕВАЯ ИГРА В ДРАМАТУРГИИ А. П. ЧЕХОВА И ДЖ. Б. ШОУ

В статье представлены результаты исследования особенностей репрезентации конфликта в ситуациях диалогового взаимодействия субъектов общения - героев пьес А. П. Чехова и Дж. Б. Шоу; изучаются корреляции полученных языковых форм с ментальной проекцией конфликта в сознании носителей английской и русской лингвокультур. Автор рассматривает данные языковые формы в терминах теории игры и предлагает их классификацию, делая акцент на национальных особенностях лингвистической проекции конфликта.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/1-1/18.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 1(67): в 2-х ч. Ч. 1. С. 63-65. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81-13

В статье представлены результаты исследования особенностей репрезентации конфликта в ситуациях диалогового взаимодействия субъектов общения – героев пьес А. П. Чехова и Дж. Б. Шоу; изучаются корреляции полученных языковых форм с ментальной проекцией конфликта в сознании носителей английской и русской лингвокультур. Автор рассматривает данные языковые формы в терминах теории игры и предлагает их классификацию, делая акцент на национальных особенностях лингвистической проекции конфликта.

Ключевые слова и фразы: конфликт; агональная игра; диалог; речевое общение; лингвокультура.

Анисимова Анна Тихоновна, к. филол. н.
Южный институт менеджмента, г. Краснодар
anna_smy@mail.ru

АГОНАЛЬНАЯ РЕЧЕВАЯ ИГРА В ДРАМАТУРГИИ А. П. ЧЕХОВА И ДЖ. Б. ШОУ

Идея «игрового» подхода к языку не нова, она принадлежит Л. Витгенштейну, который философски обосновал функционирование языка как языковой игры. Язык мыслится в рассуждениях философа как набор «форм жизни» или жизненных игр, таких же разнообразных, как и жизненные практики [6]. Известна также теория речевых игр Э. Берна, подтверждающая наличие игрового начала в социальном взаимодействии людей. Описывая игры, в которые играют люди, Э. Берн предложил их классификацию, выделив общее для всех этих игр свойство: наличие скрытого мотива и выигрыша [3].

Метафора сравнения диалога с игрой оказалась, по нашему мнению, очень удачной и продуктивной для нашего исследования межличностной коммуникации в условиях конфликта. Многогранная природа естественного языка и сложнейшая человеческая психика лежат в основе иррациональности человеческого общения, что оправдывает экстраполяцию категории игры в область естественноязыкового дискурса. Здесь следует обратиться к самому понятию игры, её противоречивому семантическому содержанию, которое вмещает, с одной стороны, область «конкуренции», «агона», с другой, – «игривость», «несерьезность». На семантическую нечеткость понятия указывал Й. Хейзинга: «...в самом понятии игры как нельзя лучше сочетается это единство и неразрывность веры и неверия, связь священной серьёзности с притворством и дурачеством» [10, с. 8]. Попытки описать и объяснить коммуникативное поведение участников общения в конфликтных ситуациях потребовали учитывать игровой потенциал человеческого общения, проявляющийся в дихотомии «игра – серьезность».

Поскольку языковая игра представляет собой повторяемую и потенциально фиксируемую форму, можно предположить, что та или иная языковая игра обладает набором постоянных определенных характеристик. Анализ диалогического дискурса в английской и русской лингвокультурах на примерах драматургии Дж. Б. Шоу и А. П. Чехова позволил выделить из речевого континуума пьес и классифицировать фрагменты речевого общения субъектов, находящихся в состоянии конфликта, а также сравнить особенности представления конфликта драматургами – представителями одной исторической эпохи, но разных лингвокультур (английской и русской).

Влияние межличностного конфликта на коммуникативное поведение участников диалогового взаимодействия чаще всего выражается в выборе говорящими сопернической стратегии, уводящей общение в область конкуренции, агона. На этом игровом поле субъекты вступают в речевые игры *агонального* типа, в которых конфликтное взаимодействие разворачивается в соответствии с законами игры с нулевой суммой, т.е. выигрыш одного из участников неизбежно означает поражение другого.

Описание смыслового поля концепта «конфликт» в русском и английском языках не выявило какой-либо значительной разницы в его семиотической плотности в обеих лингвокультурах. Необходимо лишь отметить значительно большее количество английских лексем (24 единицы против 15 русских) в лексической группе, представляющей сценарии вербального взаимодействия (семантические доминанты: *спор, ссора – quarrel, argument*), что характеризует англичан как склонных скорее “договариваться”, чем “воевать”.

Что касается национальной специфики представителей русской лингвокультуры в отношении речевого поведения в условиях конфликта, то драматургия А. П. Чехова открыла для нас уникальный вид поведенческого сценария, отражающий как мировидение самого драматурга, так и особенности ментальной проекции конфликта в русском национальном сознании. В пьесах А. П. Чехова («Дядя Ваня», «Чайка», «Три сестры», «Вишневый сад») мы проанализировали фрагменты, характеризующиеся отсутствием взаимопонимания, напряженностью, неудовлетворенностью и выявили принципиально иную, в сравнении с английской лингвокультурой, репрезентацию конфликта в речи персонажей. Прежде всего, следует отметить иную природу конфликта чеховских героев – это внутренний конфликт, проявляющийся в диалогах, как осознаваемый героем, так и неосознаваемый. В первом случае герой осознает борьбу внутренних противоречий в душе, раскрывая глубину своих переживаний в монологах. Пример такого осознаваемого конфликта – монолог Войничского (пьеса «Дядя Ваня»):

«ВОЙНИЦКИЙ: Сейчас пройдет дождь, и всё в природе освежится и легко вздохнет. Одного только меня не освежит гроза. Днём и ночью, точно домовою, душит меня мысль, что жизнь потеряна безвозвратно. Прошлого нет, оно глупо израсходовано на пустяки, а настоящее ужасно по своей нелепости. Вот вам моя жизнь и моя любовь: куда мне их девать, что мне с ними делать? Чувство моё гибнет даром, как луч солнца, попавший в яму, и сам я гибну» [12].

Неосознаваемый конфликт проявляется в «провисающих» репликах, которые остаются без ответа и обращены, как правило, не столько к партнеру по диалогу, сколько к кому-то ещё, тайно. Всё это свидетельствует о глубокой внутренней драме, борьбе противоборствующих начал, замыкающейся границами сознания отдельного индивида («зависающие» без ответа реплики Лопухина, обращенные к Раневской в пьесе «Вишневый сад») [11].

Такие сценарии речевого поведения в условиях конфликта мы назвали *интрасубъективной (внутриличностной)* агональной игрой, противопоставив её *интерсубъективной (межличностной)* агональной игре, характеризующейся наряду с элементами конкурентности, соревновательности, агона межличностными диалоговыми взаимоотношениями.

Первый тип агональной игры (интрасубъективной) характерен для героев чеховских пьес, возможно, и для русской лингвокультуры в целом, что находит подтверждение в особенностях русского менталитета, среди которых Н. А. Бердяев отмечает двойственность, противоречивость русского характера, свойство русского народа вызывать к себе сильную ненависть и сильную любовь [2]; иррациональность решений и поступков, «стихийный нигилизм» (Б. В. Вышеславцев) [7, с. 116]; категоричность суждений, неконтролируемость судьбы, чувств (А. Вежицкая) [5] и т.д.

В английском национальном характере выделяют доминанты со значением, прямо противоположным русскому менталитету: здравый рассудок как основная добродетель англичан (О. Розеншток-Хюсси) [9]; высокий самоконтроль эмоций и застенчивость, внимание к другим, предупредительность (Дж. Горер) [8]; косвенное мягкое воздействие в правилах и нормах поведения (А. Вежицкая) [4] и т.д. Возможно, что вышеупомянутые национальные доминанты отразились и в своеобразном восприятии конфликтности. Проанализировав речевые фрагменты конфликтного взаимодействия персонажей пьес Дж. Б. Шоу, мы пришли к выводу о существовании особой игровой реальности – агональной игры «понарошку», в которой мы выделяем, по крайней мере, две формы: *эвфемистическую* и *карнавальную*.

В основе эвфемистической игры лежит особая поведенческая программа участников конфликта, которые ставят своей целью «замаскировать», «завуалировать» предмет конфликта, смягчить сущность того, что является неприемлемым в обществе, повлиять на общественную оценку поступка. Данная игра характеризуется некоторой «театрализацией» общения, однако это позволяет её участникам избежать психологического дискомфорта, удержать ситуацию от скатывания в ссору, склоку и сохранить взаимоотношения.

Суть карнавальной игры составляет, конечно, конфликт, а также особый «карнавальный» аспект ощущения мира (М. М. Бахтин) [1], который проявляется в особой форме контакта, характеризующейся своеобразной карнавальной логикой «обратности» (М. М. Бахтин), которая изменяет семантику слов, произносимых участниками конфликта/игры, совершенно, вплоть до появления нового смысла. В результате такие речевые жанры, как выговор, упрёк, нотация, оскорбление и т.п. не вызывают ожидаемой негативной реакции, так как агрессивные по форме высказывания по сути таковыми не являются.

Таким образом, проведенное исследование конфликтных форм речевого взаимодействия подтвердило правильность положения об игровой природе человеческого общения в условиях конфликта. Соперническая стратегия реализуется в речевой игре агонального типа, которая принимает формы карнавальной или эвфемистической игры. В основе такой ментальной проекции конфликта лежит мироощущение самого драматурга Дж. Б. Шоу, а также особенности национального характера англичан. Игровая стихия в пьесах А. П. Чехова представлена внутренним конфликтом отдельной личности, – в этом случае мы можем говорить об интрасубъективной агональной игре, по сути представляющей глубокую личностную драму.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 541 с.
2. Бердяев Н. А. Русская идея. Судьба России. М.: Сварог и К, 1997. 541 с.
3. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры / пер. с англ. А. Грузберга. Минск: Современный литератор, 2002. 448 с.
4. Вежицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и грамматики / пер. с англ. А. Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры, 2001. 272 с.
5. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ., отв. ред. М. А. Кронгауз, вступ. ст. Е. В. Падучевой. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
6. Витгенштейн Л. Философские работы: в 2-х ч. / пер. с нем.; сост., вступ. ст., примеч. М. С. Козловой; перевод М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. М.: Гнозис, 1994. Ч. I. 612 с.
7. Вышеславцев Б. П. Русский национальный характер // Вопросы философии. 1995. № 6. С. 113-117.
8. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
9. Розеншток-Хюсси О. Великие революции. Автобиография западного человека / пер. с англ. В. Махлина, О. Осовского, А. Пигалева и др. М.: Библиейско-богословский Институт им. св. апостола Андрея, 2002. 646 с.
10. Хёйзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня / пер. с нидерл.: Д. В. Сильвестров. М.: Изд. группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992. 554 с.
11. Чехов А. П. Вишнёвый сад [Электронный ресурс]. URL: <http://ilibrary.ru/text/472/index.html> (дата обращения: 03.12.2016).
12. Чехов А. П. Дядя Ваня [Электронный ресурс]. URL: <http://ilibrary.ru/text/972/p.2/index.html> (дата обращения: 03.12.2016).

AGONAL CONVERSATIONAL GAME IN A. P. CHEKHOV'S AND G. B. SHAW'S DRAMATURGY

Anisimova Anna Tikhonovna, Ph. D. in Philology
Southern Institute of Management, Krasnodar
anna_smv@mail.ru

The article summarizes the results of studying the specifics of conflict representation in the dialogic interaction between the communicants – the characters of A. P. Chekhov's and G. B. Shaw's plays; the paper examines the correlations of the identified linguistic forms with the conflict mental projection in the consciousness of the bearers of the English and Russian linguo-cultures. The author analyzes these linguistic forms in terms of game theory and proposes their classification emphasizing the national peculiarities of conflict linguistic projection.

Key words and phrases: conflict; agonal game; dialogue; verbal communication; linguo-culture.

УДК 82-13

Статья раскрывает отражение элементов шаманизма в бурятском эпосе о Гэсэре. География распространения шаманизма обширна и многоязычна. Шаманизм занимал большое место в духовной жизни протобурят. Бурятская традиция шаманизма своеобразна, она наиболее полно сохранила оригинальность и мудрость начального периода этносов. Шаманизм несет в себе богатую эстетическую, этическую и поэтическую информацию. В эпосе о Гэсэре отмечено большое количество шаманских элементов, которые обнаруживаются в некоторых сюжетных линиях, образах, именах персонажей, описании обрядов, чудодейственных превращениях героев. Авторами анализируются такие составляющие шаманизма, как числовые символы, шаман, культы и обряды. Также в эпосе прослеживаются буддийские напластования и влечения.

Ключевые слова и фразы: шаманизм; универсальная философия; духовная практика; культовый комплекс; сын неба; сакрально-магический контекст Гэсэриады.

Бадмацыренова Дарима Базарсадаевна, к. филол. н., доцент
Будаин Арюна Александровна
Бурятский государственный университет
aldarbadma@gmail.com; mei_guo@bk.ru

ЭЛЕМЕНТЫ ШАМАНИЗМА В БУРЯТСКОМ ЭПОСЕ О ГЭСЭРЕ

Шаманизм, как известно, очень древняя религия, он всегда сопровождал человека в его эволюции. Археологи считают, что некоторые элементы шаманизма присутствовали в жизни человека со времен палеолита. Он фактически никогда не исчезал, хотя не всегда являлся официально признанной религией. Но он был довольно «гибок», легко адаптировался, был способен к возрождению и продолжал существовать благодаря своей сущности, сливающейся с природой, с насущными потребностями человека. По-видимому, его функции не претерпели каких-либо значительных изменений. Сначала шаманизм служил определенным кланам, затем нескольким кланам, которые объединялись в племена, до тех пор, пока не приобрел национальный, этнический характер. Сейчас мы являемся свидетелями процесса появления неошаманизма как на Западе, так и на Востоке, и можно говорить об азиатском и западном шаманизме. Он присутствует в различных культурах, которые отделены друг от друга пространством и временем. Шаманизм всегда скрыто или явно играл важную роль в жизни многих людей, проживающих на обширных территориях Центральной Азии и Сибири.

Шаманизм в течение всего своего существования приобретал новые черты. Иногда он замещался другими родственными или более цивилизованными формами. Он существовал параллельно с другими религиями. Шаманизм предков коренных сибирских народов – это универсальная философия, которая проявляется в виде оригинальной духовной практики управления метафизической реальностью. В то же время шаманизм широко представлен в практической жизни почти каждого человека, в особенности если у него неприятности. В шаманизме понятие наследования передается термином *удха*, что означает «корень». Слово *удха* и родственные ему слова *удаган*, *оdigон* имеют один корень *од/уд*. Последнее обладает глубоким значением. По-тибетски оно означает «чистый свет», по-монгольски – «звезда», в некоторых западных культурах это одно из имен космического огня.

Шаманские знания и умения связаны с процессом медитации, основанной на культовом комплексе, который включает следующих богов бурятского шаманизма: тэнгриев (иерархов в пантеоне богов), буумалов (спустившихся божеств), хатов (детей тэнгриев), заянов (духов), эжинов. Шаманские способности связаны с обострением чувствительности, шаманская болезнь *хиц убиэн* предполагает и физическое, и психическое заболевание. Во время обряда посвящения шаманы входят в транс и, достигнув альтернативного состояния сознания, могут запоминать огромное количество информации, чего нельзя сделать в обычном состоянии.

Шаманизм – форма выражения через просветление, внезапно достигаемое практикующим. По-видимому, между буддизмом и шаманизмом много общего, особенно в ритуальных предметах. Фольклорные мотивы свидетельствуют об их тесной связи. Работники в области просвещения ищут новые подходящие пути